

Серия «Политология. Религиоведение»

2024. Т. 49. С. 151–163
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 22.016

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.151>

Образ скотоводческой цивилизации в библейских текстах как свидетельство особенностей процесса исторического развития авраамической цивилизации

А. А. Горин*

Казанский (Приволжский) федеральный университет г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Поднимается вопрос о возможности использования священных текстов (Ветхого и Нового Завета) в качестве исторического источника, не только отражающего историю получения человечеством Божественного Откровения, но и достоверно описывающего объективную действительность библейского периода истории. Тексты исторических книг Ветхого Завета рассматриваются как возможный источник данных о цивилизационных маркерах, определяющих моменты качественного эволюционного развития древних цивилизаций. Предполагается использовать результаты работы для рассмотрения динамики развития авраамических культур и для оценки современных попыток создания альтернативных христианскому авраамическим учений как не перешедших на наднациональный уровень развития, так и еще претендующих на данную перспективу. Как пример подобного маркера рассматривается феномен скотоводческой культуры, отраженный в ветхозаветных и новозаветных текстах. Оценивается данный маркер с позиции междисциплинарного анализа, привлекаются как священные тексты, так и исследования светских ученых в области истории Древнего Востока, библейской археологии, истории религий. Проявления исследуемого маркера рассматриваются в контексте общен исторического развития авраамической иудейской цивилизации и иных цивилизаций, оказывавших влияние на ее формирование в эпоху Античности. Прослеживается процесс изменения содержательной составляющей маркера в момент, когда авраамическая цивилизация выходит на качественно новый – христианский – уровень бытования. Выдвигается гипотеза, что подобные изменения происходят с каждым из комплекса маркеров, характеризующих авраамическую цивилизацию на протяжении основных этапов ее развития.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, агнец, пастырь, паства, Ветхий Завет, библейская критика, библейская археология, Евангелие.

Для цитирования: Горин А. А. Образ скотоводческой цивилизации в библейских текстах как свидетельство особенностей процесса исторического развития авраамической цивилизации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 151–163. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.151>

© Горин А. А., 2024

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

The Image of the Pastoral Civilization in the Biblical Texts as Evidence of the Peculiarities of the Process of Historical Development of the Abrahamic Civilization

A. A. Gorin*

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. In the article, the author raises the question of the possibility of using sacred texts (the Old and New Testaments) as a historical source reflecting not only the history of mankind receiving divine Revelation, not only reliably describing the objective reality of the Biblical period of history. The author also raises the question of the texts of historical books of the Old Testament as a source of data on civilizational markers that contribute to determining the moments of qualitative evolutionary growth of ancient civilizations. In the long term, the author suggests using the results of the work not only to consider the dynamics of the development of Abrahamic cultures, but also to evaluate modern attempts to create alternative Abrahamic teachings to Christian, both those that failed to move to a supranational level of development and those claiming this perspective. As an example of such a marker, the author considers the phenomenon of pastoral culture reflected in the Old Testament texts, as well as in the texts of the New Testament. The author approaches the assessment of this marker from the perspective of interdisciplinary analysis, simultaneously involving both sacred texts and research by secular scientists in the field of the history of the Ancient East, biblical archaeology, and the history of religions. Considering the manifestations of the marker under study, the author makes an attempt to evaluate it in the context of the general historical development of both the Abrahamic civilization and the civilizations that influenced the formation of the Jewish civilization in the era of Antiquity. The author traces the process of changing the content component at the moment when the Abrahamic civilization reaches a qualitatively new Christian level. From the author's point of view, similar changes occur with each of the complex of markers characterizing the Abrahamic civilization throughout all successive stages of its development.

Keywords: Judaism, Christianity, lamb, shepherd, flock, Old Testament, biblical criticism, biblical archaeology, Gospel.

For citation: Gorin A.A. The Image of the Pastoral Civilization in the Biblical Texts as Evidence of the Peculiarities of the Process of Historical Development of the Abrahamic Civilization. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 49, pp. 151-163. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.49.151> (in Russian)

Вопрос об образе жизни действующих лиц Библии рассматривается многими научными дисциплинами: религиоведением, богословием, библейской археологией, историей Древнего Востока и др. Одной из самых больших проблем остается фрагментарность информации, содержащейся в сохранившихся письменных источниках Месопотамии, Восточного Средиземноморья и Северной Африки. Естественно, что в качестве источника до XVI в. исследователи часто обращались к текстам Библии. Дело в том, что часть книг Ветхого Завета написаны именно как исторические повествования. В христианстве таковыми считаются шестнадцать книг: от книги Иисуса Навина до 3-й Книги Маккавейской. В иудейской традиции, не признающей Маккавейские книги частью Ветхого Завета, таковыми считаются тринадцать книг (от книги Иисуса Навина до книги Иудифь). В иудейской традиции, не признающей книги «Паралипомена», – одиннадцать книг. До XVI в. к историческим книгам причисляли и книги Пятикнижия, однако в настоящий момент эта традиция не практикуется.

Одним из наиболее серьезных вопросов в исторической и философской науке остается вопрос об историчности библейского текста и об исторической достоверности приведенных в нем фактов. Нужно отметить, что начиная с середины XIX в. богословская и историческая наука, отвечая на вызовы так называемой библейской критики, сумела в значительной мере доказать историчность текстов Священного Писания и их исключительную ценность как исторического источника.

Вопрос об историчности Библейского текста был поднят еще в 40-е гг. XV в. после публикации сочинения одного из первых историко-критических исследований Лоренцо делла Валла «О Даре Константиновом» (*De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio*), который одним из первых подверг сомнению подлинность общепринятого церковного текста на научной основе [16, с. 8–12].

После же разоблачения «Исидоровых декреталий» группой Маттиаса Флациуса в работе *Centuriae Magdeburgenses* (1559 г.)¹ и Давидом Блонделем (1628 г.) значительная часть протестантских богословов подняла вопрос о достоверности сведений, описанных в текстах книг Ветхого Завета, а затем и всех текстов Библии. К началу XIX в. произвольная трактовка значений текста Библии доходит у некоторых исследователей до абсурда. Так, один из ведущих деятелей немецкого монизма своего времени Кристиан Г. Артур Дреус в работе «Миф о Христе» (*Die Christusmythe*) пытается трактовать библейские тексты как иносказательное изложение космогонической картины мира. Например, р. Иордан он трактует как образ Млечного пути, «кожаные ризы» – как «пояс Ориона» [8, с. 169] и т. д. Ряд исследователей (Д. Ф. Штраус, Б. Бауэр и др.) подвергли сомнению хронологию Ветхого Завета и др. Причем зачастую основным аргументом сторонников недостоверности данных библейских текстов выступало иррациональное обвинение их в религиозной направленности.

Таким образом, пока в научной философии не были выработаны принципы герменевтического метода исследования, а тем более не существовало опыта использования герменевтического метода в рамках принципа историзма, ученые встали перед проблемой эмпирического доказательства достоверности содержания исторических книг Ветхого Завета и Евангелия.

Первым этапом на этом пути стало развитие в середине XIX в. так называемой кабинетной библейской археологии, фактически использовавшей недавно сформированный Вильгельмом Дильтеем метод герменевтики как «философии понимания» [7, с. 9–10] (хотя сам термин «герменевтика» сформулирован лишь в 1919–1920 гг. М. Хайдеггером). Дильтей формулировал свой метод работы с содержанием текста как «соединение субъекта и объекта в историческом акте понимания» [9, с. 24]. Уже тогда начинается анализ библейских текстов как исторического источника.

Наиболее известны в этом аспекте фундаментальная работа К. Ф. Кейля *Biblischer Kommentar über das alte Testament* (многотомная работа, подробно описывающая все стороны повседневной, религиозной, ритуальной деловой

---

¹ *Historia Ecclesiastica: Centuriae Magdeburgenses*. P. 1. Magdeburg: Ludwig Lucius, 1624.

жизни древнееврейского общества), пособие для учащихся духовных школ архимандрита Иеронима (Лаговского) «Библейская археология», крупнейший отечественный историографический, систематизаторский труд профессора А. П. Лопухина «Толковая Библия» и др.

Начиная с 50-х гг. XIX в. данные «кабинетных археологов» становятся материалом для поиска исторических памятников и артефактов. Фактически формируется направление библейской археологии, одной из задач которого становится проверка подлинности данных, содержащихся в библейских текстах. Эпизодические исследования территории Израиля, Самарии и Египта, с целью нахождения доказательств историчности текстов Ветхого Завета, начинаются еще с XVII–XVIII вв. (например, исследования Карстена Нибура в 1764–1767 гг.), однако систематическое изучение памятников и артефактов начинается с середины XIX в.

Расшифровка египетской иероглифики Ж-Ф. Шампольоном (1822 г.) позволила выявить египетские письменные источники, не только подтверждающие достоверность ряда эпизодов Ветхого Завета, но и подтверждающие достоверность событий, о которых в иных источниках, кроме библейских текстов, информации не было. Например, рельеф Карнакского храма, описывающий вторжение фараона Шешонка I (Сусакима) в 925 г. до н. э. в Израиль, упомянутое в 3-й Книге Царств (14:25–26) и 2-й книге Паралипоменон (12:1–9) с указанием захваченных городов, существование которых считалось легендарным (Фаанах (Таанах), Беф-Сан (Бет-Шеан), Гаваон (Гивеон), Аиалон, Мегиддо, Маханаим и др.). Позднее к работе над египетскими надписями подключились отечественные историки-египтологи, например основатель советской востоковедческой школы профессор В. В. Струве. Будучи скептически настроенным к Библии в целом как к источнику (по причине атеистических взглядов), он тем не менее разрабатывает систему использования в качестве исторического источника исторической части библейских текстов на основе египетских иероглифических источников [11, с. 9–10; 12, с. 17–24]. К началу XX в. египтологи располагали широким спектром доказательств достоверности сведений о иудео-египетских отношениях, содержащихся в исторических книгах Ветхого Завета, начиная от относительной датировки событий [14, с. 37–38] до конкретных фактов и подробностей жизни иудеев в Египте от времен Моисея до периода Апостольского века (I в. н. э.).

Но наибольшей эффективности в материальном подтверждении исторической достоверности библейских текстов добились историки-востоковеды, специализирующиеся на исследовании территории Месопотамии, Израиля и Самарии (Заиордания). Первым археологом, нашедшим артефакты древности, известные ранее лишь по текстам Библии, стал П.-Э. Ботта, описавший свои находки в пятитомном труде «*Monuments de Ninive, découverts et décrits par B., mesurés et dessinés par Flandin*». Более удачлив был Остин Г. Лэйард: при раскопках теллей им были найдены остатки описываемых в Библии городов Нимруда/Калаха (Бытие 10:11), но что важнее – Ниневии, которая до того считалась городом мифическим, хотя и неоднократно упоминаемым в Библии (один из наиболее распространенных аргументов скептиков в пользу

версии о мифическом характере библейских текстов). Лэйярд обнаружил в Ниневии библиотеку клинописных табличек (так называемую библиотеку Ашшурбанапала), на базе которой был в 1857 г. расшифрован наиболее распространенный из видов клинописи Месопотамии (аккадский язык). Лэйярд, в частности, публикует подробное описание найденных табличек в работе «The Monuments of Nineveh» [13]. Фактически эти события стали началом современного научного востоковедения.

В то же время начинаются работы по исследованию, идентификации и датировке библейских объектов непосредственно в Палестине. Американский историк Эдвард Робинсон и его помощник Эли Смит – родоначальники библейской географии, например, в середине XIX в. занимались прямой проверкой библейских текстов через поиск соответствующих объектов и артефактов. Опубликованные ими путевые дневники представляют собой описание современного авторам состояния рукотворных и географических объектов, упоминаемых в Библии [15, с. 391]. Фактически Робинсону удалось подтвердить достоверность географического описания территории событий, изложенных на страницах книг Ветхого Завета. В том же направлении работали и другие ученые: исследователь палестинской эпиграфики Ш. Клермон-Ганно (нашедший «Камень Мешы», доказавший существование правителя Мешы/Месы (4 Кн. Царств 3:4)), археолог У. Дж. Палгрейв, исследователь палестинских библейских объектов С. Штойернагель и др. Исследователям, работавшим под руководством российского дипломата В. И. Догоробужинова и архимандрита Антонина (Андрея Ивановича Капустина), удалось в 1860–70 гг. уточнить границы городской черты Иерусалима I в. н. э. (т. е. во время жизни Иисуса Христа по датировке Нового Завета). С созданием У. М. Ф. Питри в 1890 г. научного метода полевой археологии датировка палестинских строений и артефактов многократно упрощается.

Таким образом, до 30-х гг. XX в. на территории Месопотамии и древних Израиля и Самарии археологами были найдены остатки не менее десятка населенных пунктов, ранее известных только по упоминаниям в Библии (Ниппур, Ниневия, Ур, Сеннааре, Иерихон и др.). Была проведена относительная и абсолютная датировка событий, упоминаемых в исторических книгах Ветхого Завета. Получены доказательства из письменных источников, об исторической достоверности значительной части ветхозаветных событий из указанных книг. Была в целом очерчена и проверена основная часть географии библейских событий исторических книг Ветхого Завета и Нового Завета.

Таким образом, значительная часть представителей европейской и американской исторических школ, а также школ археологии, с середины XX в. рассматривают исторические книги Ветхого Завета как полноценный исторический источник. В отечественной науке такой взгляд менее распространен по причине политизации исторической науки с 1918 по 1991 г. Тем не менее мировая тенденция (особенно в сфере археологии) уже уверенно выделяет библейские направления в археологии, палеографии, палеоботанике и других науках в самостоятельные полноценные научные дисциплины.

Поскольку богословская традиция и светская историческая наука в большинстве государств с христианской этнокультурной базой развиваются

параллельно, то слабовыраженные межпредметные связи мешают ответу на ряд историко-богословских и историко-цивилизационных вопросов, особенно актуальных для современного мира, вступившего в очередной этап глобальных цивилизационных перемен.

Одним из таких вопросов остается роль скотоводства как маркера развития монотеистической, авраамической цивилизации, ярко отраженная в текстах Священного Писания. Для оценки этого аспекта нам придется прибегнуть к использованию герменевтического метода, о котором говорилось выше, применительно к философско-религиоведческому исследованию. В соответствии с мнением Э. Г. Гуссерля, для успешного исследования далекой/чуждой культуры необходима реконструкция «жизненного мира», что необходимо для понимания смысла памятников этой культуры [9, с. 26]. Х. Г. Гадамер трактует этот аспект шире, с его точки зрения, бытие формируется как сумма исторического предания и естественного порядка жизни [5, с. 41–42], декларируя необходимость соединения наследия Дильтея, Гуссерля и Хайдегера в едином методе [5, с. 43]. Фактически родоначальники герменевтического метода и феноменологии одновременно формулируют принцип историзма, который невозможно реализовать в изучении объекта без познания среды и обстоятельств его актуального бытования.

Одним из таких вопросов остается роль скотоводства не столько как хозяйственного, сколько как социального и цивилизационного феномена в период событий, описанных в исторических книгах Ветхого Завета.

Традиционно вопросы о статусе скотоводства рассматриваются в авраамической богословской традиции либо как достойное деяние, преумножающее богатство [1, с. 604], либо как олицетворение лидера (пастыря) людей (агнцев, овец) как духовного, так и светского: от главы общины до Мессии и Бога². В Евангелии от Иоанна, например, это прямое сравнение приводится неоднократно. Например, когда Иисус Христос после своего воскресенья говорит Апостолу Петру в отношении верующих перед Восшествием на Небеса: «...*паси агнцев Моих...*» (Иоанн. 21:15), «...*паси Моих овец*» (Иоанн. 21:16).

Однако, поскольку мы рассматриваем текст Священного Писания именно в контексте отражения в нем информации об исторической реальности, в описании роли скотоводства в библейских текстах мы видим более широкое значение.

Как мы помним, в Книге Бытие указывается, что сыновья Адама и Евы занимались различными отраслями хозяйства: старший – Каин (по словам Евы – «человек от Господа» (Бытие 4.1)) занимался земледелием, младший – Авель стал скотоводом (Бытие 4:2).

Таким образом, в Священном тексте мы видим, что земледелие как форма хозяйствования связано со старшим сыном Адама, а скотоводство – с младшим. Если проводить прямые аналогии, то мы видим отражение исторической действительности начала II тыс. до н. э.: еврейская (иудейская) цивилизация складывается в окружении уже сложившихся цивилизационных центров именно с преобладающей земледельческой формой хозяйствования.

---

² Словарь библейских образов : [справочник] / под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III; ред.-консультанты: Колин Дюрисес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд ; [пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О. А.]. СПб. : Библия для всех, 2005. С. 707–710.

В частности, это отмечает в своих работах один из основателей американской школы иудаики Сало Барон [2, с. 53]. Впрочем, Барон связывает локацию происхождения библейских патриархов с Халдеей (города Ур и Харан) [2, с. 54]. Историк Натан Андре Шураки идет дальше, он говорит о «выделении» израильской цивилизации из уже развитых к моменту ее формирования египетской и халдейской цивилизаций [12, с. 13]. Это примечательный момент: если египтян в античное время называли «пожирателями муки», то халдейская цивилизация изначально в значительной степени скотоводческая, что отражено в библейских текстах (Иов 1:17). Это закономерно, если принять версию о происхождении халдеев с территории Аравийского полуострова [3, с. 10]. Однако следует учесть, что в середине VII в. до н. э. халдеи оказались культурно ассимилированы вавилонской цивилизацией и в большинстве своем перешли к земледельческому хозяйству. Например, род Эаилута-Бани стал одним из крупнейших землевладельцев Вавилонской державы [3, с. 30]. А Вавилонскую цивилизацию исследователи, как правило, относят к категории земледельческих (называя одной из крупнейших цивилизаций «плодородного полумесяца») [4, с. 16–17].

Мы видим в библейском тексте разделение земледельцев и скотоводов. Одновременно в процессе формирования еврейского этноса и иудейской религиозно-правовой цивилизации мы видим в окружении ее «старшие» цивилизации с преобладанием именно земледельческой формы хозяйствования.

Вместе с этим мы видим в Священном Писании, уже в Книге Бытие, ярко выраженное предпочтение, которое приписывается Всевышнему в отношении части человечества, связанной со скотоводством. История Каина и Авеля, принесших плоды трудов своих в дар Господу, когда Всевышний «...призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел...» (Бытие 4:4–5).

Речь не идет о дискриминации земледелия как такового. Во-первых, согласно библейскому тексту, Всевышний повелевает Каину-земледельцу не огорчаться, но творить доброе и властвовать над грехом (Бытие 4:6–7). Во-вторых, в библейском тексте отмечается, что, несмотря на персональное проклятие Каина «...от земли» (Бытие 4:11), потомок Каина в шестом поколении Иавал возвращается к скотоводческой форме хозяйствования, как «отец живущих в шатрах со стадами» (Бытие 4:20). Более того, библейские персонажи, принадлежащие к земледельческой традиции, также, согласно авраамической доктрине, могут заслужить благосклонность Всевышнего праведной жизнью (например, Руфь Моавитянка).

Учитывая, что Книга Бытие не относится к историческим книгам Ветхого Завета, мы можем оценивать ее текст не как фактический материал, но как изложение, наряду с сакральными аспектами, морально-этических и идеологических норм, определяющих развитие и социальную структуру раннего авраамического сообщества. Эти нормы отражаются также и в исторических книгах, содержание которых, по мнению многих ученых, отличается большей степенью исторической достоверности.

Таким образом, складывается устойчивое впечатление, что принадлежность к скотоводческой традиции в Священном писании выступает маркером

не столько праведников или «избранности», сколько маркером факта, *что хотя земледелие и считается рядом историков более прогрессивной формой развития хозяйства, но формирование авраамического монотеизма произошло в рамках скотоводческих племен.*

Этот маркер систематически проявляется и далее в тексте библейского повествования. В частности, в исторических книгах. Причем в текстах книг изначально подчеркивается враждебность цивилизации языческой/земледельческой к цивилизации авраамической/скотоводческой. Этот аспект начинает рассматриваться с Книги Бытие в форме убийства Каином (земледельцем-родоначальником части человечества) скотовода-Авеля (Бытие 4:8). То же самое мы видим в Книге Исход в ходе описания отношения представителей языческой/земледельческой цивилизации египтян к евреям, еще не принявшим иудаизм, но стоящим на пороге его принятия. Причем такое противостояние носило характер именно цивилизационный, о чем писали в свое время и Манефон, и Иосиф Флавий [2, с. 55].

В Книге Исход подробно описано угнетение язычниками/египтянами еврейской диаспоры (Исход 1: 8–14). В то же время в истории пророка Моисея недвусмысленно указывается, что Откровение он получает, только выйдя из среды язычников/египтян – «пожирателей муки» и вернувшись в среду праведных скотоводов. Согласно тексту Книги Исход, вынужденный скрываться пророк Моисей возвращается в среду скотоводов, где выступает защитником пастушек-дочерей Иофора Мадиямского перед мужчинами-пастухами. Причем важный момент: предметом защиты стала возможность напоить скот (овец) (Исход 2:16–17), т. е. прежде чем получить Откровение, пророк Иосиф должен был, согласно Священной книге, принять определенный образ жизни, культуру, отношение к Миру. По тексту книги, дочери Иофора считают Моисея египтянином, но их отец призывает Моисея преломить хлеб, т. е. стать «своим» (Исход 2:16–17).

Нужно отметить, что многие исследователи указывают на цивилизационный конфликт семитов-скотоводов и земледельческих цивилизаций и в Месопотамии: например, нападение вавилонского правителя Хабре I (Кадашмана) на семитские-аморейские племена скотоводов ок. XIV в. до н. э., вынужденные вследствие этого откочевать из Южной Месопотамии (окрестностей Ура) на запад, что В. Л. Вихнович считает началом древнееврейского генезиса (в частности, он проводит аналогии между сыном Адама Сифом и Суту – легендарным праотцем народа амореев) [4, с. 17–18].

Так или иначе, текст Священного писания авраамической цивилизации не дает категоричных оценок. Хотя скотоводческий вид хозяйствования по библейским текстам и остается маркером социума, которому надлежит получить Откровение, сама по себе принадлежность к этому сообществу не гарантирует выхода на качественно-новый уровень развития религиозного вероучения без приложенных представителями сообщества духовных усилий. Равно как и принадлежность к земледельческому сообществу – не говорит о непременном принятии язычества. С одной стороны, мы видим отступничество еврейского народа от единого Бога-творца в пользу литого тельца, сделанного Аароном (Исход 32:4). С другой стороны – персональное

проклятие Каина не помешало представителям его рода вернуться к скотоводству (в лице Иавала), а уже упоминавшейся Руфи Моавитянке получить статус праведницы и стать бабушкой царя Давида. Нужно отметить, что библейские праведники, согласно Священному тексту, как правило, пасут мелкий рогатый скот – овец и коз, но не тельцов, телец – присутствует в Библии, но есть нюанс. На пищу, жертвоприношение (Иоанн 2:15) и работу в иудейском обществе, судя по тексту Священного Писания, используются вола, т. е. тот же крупный рогатый скот, но оскопленный. Неоскопленный скот используется только для размножения, но ни для чего более (этот порядок сохранился в большинстве стран Востока до сегодняшних дней). Телец же – неоскопленный самец крупного рогатого скота, воплощение животных желаний и инстинктов – выглядит как олицетворение антагонизма осмысленному, интеллектуальному и «человеческому» авраамическому монотеизму.

С другой стороны, именно скотоводством, согласно тексту Библии, занимается пророк Моисей в семье своего тестя Иофора, когда ему в пламени среди несгорающего тернового куста является Ангел Господень, устами которого говорит Всевышний (Исход 3:1–5). Именно пастушеским делом занят будущий царь Давид, когда пророк Самуил приходит к его отцу Иессею, чтобы помазать одного из его сыновей. И именно на Давида падает выбор пророка Самуила (1 Царств 16:10–11). Именно скот описывается, как основное мерило благосостояния Иова – человека, что был *«непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла»* сразу после сведений о его детях (Иов 1:1–3). Причем в качестве основного богатства выступает именно мелкий скот в количестве семи тысяч голов.

Ряд исследователей предполагают, что мелкий скот как мерило богатства – закономерное последствие формирования религиозного ритуала жертвоприношения единому Богу-Творцу. Безусловно, жертвоприношение животных и птиц известно и в античное время. Однако в среде древнееврейского сообщества мы видим признаки стандартизации этого процесса (подробно описанного в Книге Исход в строках, посвященных получению Завета пророком Моисеем на горе Синай). Причем не формальной стандартизации ритуала без персонификации объекта поклонения, имевшей место, например, в Римской империи, а стандартизации религиозной жизни от ритуальной до догматической и бытовой регламентации. Такая стандартизация стала возможной благодаря: а) единообразию религиозных воззрений еврейского сообщества; б) единому и единообразному объекту поклонения – Единому Богу-Творцу. Таким образом, мерило богатства в виде мелкого рогатого скота в данном случае – цивилизационный маркер сообщества, в котором приоритет отдается возможности систематически совершать духовные практики, производить сакральные действия, осуществлять культовую деятельность по единому образцу. Таким образом, приоритетное место занимают в обществе лица/семьи, способные обеспечить общество средствами реализации его сакральных потребностей, в частности жертвенными животными.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что *авраамический монотеизм сформировался в среде семитских племен, которые в будущем образовали еврейский/иудейский этнос. Этот факт стал одним из обоснований иудаизма в «богоизбранности» еврейского народа.*

Монотеистическое скотоводческое сообщество догматически и исторически противопоставляется сообществам земледельческим (Египет, Месопотамия) как язычникам и поработителям.

На начальном этапе советского периода истории России принято было оспаривать древность формирования авраамических монотеистических представлений до момента письменной фиксации «Жреческого кодекса» [10, с. 84]. Однако высказанная выше гипотеза опровергает выводы советской концепции: мы видим признаки сакрализации элементов традиционного хозяйствования. Причем данные элементы остаются более или менее неизменными как на Юге Месопотамии (г. Ур), так и в Египте (семья Иофора), и на территории Эрец Исраэля, т. е. это признаки того, что цивилизация древних евреев имеет религиозный монотеистический базис, сложившийся ранее «письменного» периода истории данной цивилизации. Это косвенно подтверждает, например, М. Гудман, который, ссылаясь на работу «Еврейские древности» Иосифа Флавия, доходит до того, что в своей монографии «История иудаизма» прямо называет успехи в земледелии, последовавшие за завоеванием Ханаана, прямой причиной «развращения» и отхода части еврейского общества от авраамического вероучения [6, с. 25]. Впрочем, ввиду успехов зарубежной библейской археологии, во второй половине XX в. советское востоковедение также отказалось от ошибочной гипотезы.

Не следует, однако, проводить параллели авраамической цивилизации с иными цивилизациями, в которых разведение мелкого рогатого скота традиционно было основой скотоводческого сегмента хозяйствования. Такое искушение появляется, например, при рассмотрении эллинской цивилизации и ряде иных языческих сообществ. Однако в таких сообществах мы не видим ни универсальной для всего сообщества системы сакрализации данного элемента хозяйственной культуры, ни вообще сложившейся единой системы религиозной регламентации жизни.

В Евангелии мы видим тенденцию перехода образа скотовода – пастуха овец и коз – из статуса физического воплощения праведника в статус догматического символа соотношения: «Учитель, ведущий за собой учеников, – Пастырь, ведущий за собой агнцев» (например, Иоанн 10:11, 10:25–27). По сути, этот аспект знаменует собой выход авраамической цивилизации на качественно новый уровень. В тексте Евангелия мы видим отражение представлений ранних христиан I в. н. э. о цивилизационной преемственности – от скотоводческой «земной» цивилизации к цивилизации духовной.

Причем преемственность подчеркивается в момент первого явления Иисуса Христа человеческому миру: «...и родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице... » (Лука 2:7) Таким образом, мы видим символическую картину: из яслей авраамической скотоводческой цивилизации в Мир выходит Мессия, с одной стороны, изменяющий вероучение и, как следствие, часть сакральных приоритетов (жертвоприношение агнцев перестает быть актуальным), что подчеркивается во время изгнания торгующих из храма (вместе с жертвенными животными) (Иоанн 2:15). С другой стороны, образ взаимоотношения «Пастырь – паства», т. е. «Пастух – стадо», причем именно стадо овец, агн-

цев, используется в Евангелии как своеобразный культурный код – базис для цивилизационного развития.

По сути, текст Евангелия таким образом фиксирует переход авраамического вероучения и мировоззрения от этнической к наднациональной (мировой) форме бытования. Скотоводство как «хозяйственный» маркер в новой форме бытования авраамического вероучения уступает место скотоводству как своеобразному эталону отношения духовного лидера и общины. Образ пастыря (пастуха) в данном случае рассматривается не с точки зрения хозяина паствы (стада), но с точки зрения лица, ответственного за неприкосновенность паствы от хищников, отбора «паршивых овец» (лиц, впадающих в ересь, лицемерящих и др.) с последующим излечением или изолированием их от основной паствы (эта функция получила выражение в крылатой фразе блаженного Иеронима Стридонского: *Unius pecudis scabies totum communiculat gregem*), т. е. пастырь, согласно евангельской традиции, это лицо не столько хозяйствующее или властвующее агнцами, но несущее ответственность за них. Одновременно изменяется и трактовка агнцев, овец. Как и в ветхозаветной традиции, агнцы предназначены Единому Богу-Творцу. Однако если в ветхозаветной традиции агнцы, овцы – это олицетворение «расходного» ресурса, то в новозаветной традиции мы видим образ агнцев, предназначенных для Жизни Вечной. Если в ветхозаветной традиции судьбой агнцев распоряжался человек-хозяин, то в новозаветной традиции животные в принципе исключены из смысловой связки «агнец – пастырь», ибо единственным распорядителем судьбы агнцев-верующих остается непосредственно Бог-Творец.

Таким образом, Евангелие формирует преемственный, но принципиально иной историко-цивилизационный маркер в виде образа «скотоводства» как модели взаимодействия «Бог – Человек». С одной стороны, новозаветный маркер «скотоводство» подчеркивает духовную преемственность от этнической скотоводческой цивилизации с авраамическим религиозным, культурным, хозяйственным базисом. С другой – выход за рамки «этнического» уровня развития религиозного вероучения.

Таким образом, мы можем сделать ряд выводов и предположений.

Во-первых, в книгах Ветхого Завета маркер скотоводства как неотъемлемой принадлежности авраамической цивилизации охватывает практически полный комплекс признаков, определяющих специфику цивилизации: религиозные практики, характеристику исторически сложившейся территории проживания базисного этноса, специфику хозяйственной деятельности, элементы морально-этической базы общественных отношений, основы социального расслоения социума. Единственное, что напрямую не касается этого маркера в перечне специфических черт цивилизации – создание письменности. Однако данный аспект напрямую связан с религиозными практиками и повседневной религиозной регламентацией дохристианской авраамической цивилизации.

Во-вторых, в книгах Ветхого Завета скотоводство представляет собой динамично развивающийся маркер, на различных этапах становления описывающий следующие аспекты: а) принадлежность к социуму, которому доступна высшая истина в виде божественного Откровения; б) форма хозяй-

ствования, обеспечивающая непрерывность духовных практик (жертвоприношение в Скинии, Синагоге, Храме) и, следовательно, ставящая скотовладельца на более высокую социальную ступень по сравнению с соплеменниками; в) форма занятия, характерная для лиц, предрасположенных к праведной жизни и цивилизационно-образующей деятельности (пророки Иосиф и Моисей, царь Давид и др.); г) в новозаветной традиции – изменение парадигмы развития взаимоотношений «Бог – Человек».

В-третьих, указанный маркер в книгах Ветхого Завета не содержит в себе дополнительных смыслов, кроме тех, которые содержатся в Священных текстах. Их интерпретация с точки зрения религиоведения, теологии в сочетании с материалами библейской археологии, палеосоциологии, истории Древнего Востока и иных вспомогательных дисциплин позволяет сформировать комплексное представление об этапах формирования авраамической цивилизации дохристианского периода.

Использование данного маркера возможно для изучения как общей истории христианской церкви, так и истории попыток создания альтернативных христианскому авраамическим учений, не сумевших перейти на наднациональный уровень развития. Равно использование специфического образа скотоводства в текстах Ветхого Завета как маркера развития авраамической цивилизации может применяться и в целях осуществления источниковедческой критики, и в целях рассмотрения междисциплинарных связей в рамках курса «Теология и современное естествознание».

Список литературы

1. *Бажанов А. М.*, архим. Никифор. Библийская энциклопедия. М. : Локид-Пресс; РИ-ПОЛ-классик, 2005. 764 с.
2. *Барон С. У.* Социальная и религиозная история евреев. Т. 1. М. : Книжники, 2012. 492 с.
3. *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М. : Мысль, 1971. 172 с.
4. *Вихнович В. Л.* Иудаизм. СПб. : Питер, 2006. 224 с.
5. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 708 с.
6. *Гудман М.* История иудаизма. М. : Азбука-Аттикус, 2020. 656 с.
7. *Дильтей В.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М. : Дом интелект. кн., 2001. 531 с.
8. *Древс А.* Миф о Христе. Т. 2. М. : Атеист, 1924. 290 с.
9. *Макаренко И. И.* Место герменевтики в контексте философско-религиоведческих методов исследований // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, вып. 1. С. 24–30.
10. *Ранович А. Б.* Очерк истории древнееврейской религии. М. : ОГИЗ – Гос. антирелигиоз. изд-во, 1937. 400 с.
11. *Струве В. В.* Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики. Петербург : Книгоиздательство Еврейская Историческая Библиотека, 1919. 28 с.
12. *Шураки А.* История иудаизма. М. : АСТ-Астрель, 2008. 190 с.
13. *Layard A. H.* The Monuments of Nineveh. London : John Murray, Albemarle street, 1853. 118 p.
14. *Petrie Flinders W. M.* Egypt and Israel. New York : E.S. Gorham, 1911. 208 p.
15. *Robinson E.* Later Biblical Researches in Palestine and in the adjacent regions. Boston : Published by Croker and Brewster, 1838. 664 p.

16. Valla L. De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio. Gent : J. Marcus, 1620. 104 p.

References

1. Bazhanov A. M., archim. Nikifor. *Bibleiskaya enciklopediya* [The Bible Encyclopedia]. Moscow, Lokid-Press, RIPOL-classic Publ., 2005, 764 p. (in Russian)
2. Baron Salo W. *Sozialnaya i religioznaya istoriya evreev* [The social and religious history of the Jews]. Moscow, Knizniki Publ., vol. 1, 2012, 492 p. (in Russian)
3. Belyavsky V.A. *Babilon legendarniy i Babilon istoricheskii* [Babylon is legendary and Babylon is historical]. Moscow, Misl Publ., 1971, 172 p. (in Russian)
4. Vichnovich V.L. *Judaism* [Judaism]. Saint Peterburg, Piter Publ., 2006, 224 p. (in Russian)
5. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988, 708 p. (in Russian)
6. Gudman M. *Istoriya iudaizma* [The History of Judaism]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2020, 656 p. (in Russian)
7. Diltey W. *Sobranie sochinenij. V 6 t. T. 4. Germeneytika i teoriya literatury* [Collected works. In 6 vols. Vol. 4. Hermeneutics and theory of literature]. Moscow, Dom intellektualnoy knigi Publ., 2001, 531 p. (in Russian)
8. Drevis A. *Mif o Hriste. T. 2* [The Myth of Christ. Part 2]. Moscow, Ateist Publ., 1924, 290 p. (in Russian)
9. Makarenko I.I. Mesto germeneytiki v kontekste filosofsko-religiovedcheskich metodov issledovaniy [The place of hermeneutics in the context of philosophical and religious research methods]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2012, vol. 13, iss. 1, pp. 24-30. (in Russian)
10. Ranovich A.B. *Ocherk istorii drevneevreiskoi religii* [An essay on the history of the Hebrew religion]. Moscow, OGIZ Publ., 1937, 400 p. (in Russian)
11. Struve V.V. *Prebivaniye Izraelja v Egipte v svete istoricheskoi kritiki* [Israel's stay in Egypt in the light of historical criticism]. Peterburg, Knigoizdatelstvo Evreiskaya Istoricheskaja Biblioteka Publ., 1919. 28 p. (in Russian)
12. Schuraki A. *Istoriya iudaizma* [The History of Judaism]. Moscow, AST-Astrel Publ., 2008. 190 p. (in Russian)
13. Layard A.H. *The Monuments of Nineveh*. London, John Murray, Albemarle street, 1853, 118 p.
14. Petrie Flinders W.M. *Egypt and Israel*. New York, E.S. Gorham, 1911. 208 p.
15. Robinson E. *Later Biblical Researches in Palestine and in the adjacent regions*. Boston: Published by Croker and Brewster, 1838, 664 p.
16. Valla L. De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio. Gent, J. Marcus, 1620, 104 p.

Сведения об авторе

Горин Антон Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра религиоведения, Институт
социально-философских наук и массовых
коммуникаций
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Российская Федерация, 420008, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18
e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru
ORCID 0009-0009-3161-1887

Information about the author

Gorin Anton Anatolyevich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Religious Studies,
Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian
Federation
e-mail: anton-gorin-2009@mail.ru
ORCID 0009-0009-3161-1887